

Виктор Владимирович Николин

Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Омск, Россия
e-mail: nvv06@mail.ru

Ольга Ивановна Николина

Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Омск, Россия
e-mail: olga_nikolina@mail.ru

Динамика субъекта в экзистенциале любви

Аннотация. В статье анализируется экзистенциал любви. Показано, что в отличие от экзистенциала смерти, полагаемого в качестве пограничной ситуации, экзистенциал любви имеет схожую структуру, но иную динамику развития: смерть разворачивается от внешнего к внутреннему, любовь — от внутреннего субъекта к внешнему, к другому. Определяющим моментом является граница, задаваемая в смерти дистанцией.

Ключевые слова: смерть, любовь, экзистенциал, граница, пограничная ситуация, субъект.

Viktor V. Nikolin

Omsk State Pedagogical University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: nvv06@mail.ru

Olga I. Nikolina

Omsk State Pedagogical University, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: olga_nikolina@mail.ru

Dynamics of the Subject in the Existential of Love

Abstract. The article analyses the existential of love. It is shown that in contrast to the existential of death, which is considered as a boundary situation, the existential of love has a similar structure, but a different dynamics of development: death unfolds from the external to the internal, love — from the internal subject to the external, to another. The defining moment is the boundary set in death by distance.

Keywords: death, love, existential, boundary, boundary situation, subject.

Введение (Introduction)

Обращение к извечным экзистенциальным вопросам — дело неблагодарное. Казалось бы, всё уже сказано, проанализировано, добавить нечего. Однако и по сей день экзистенциальные вопросы остаются актуальными, особенно в современной ситуации, что связано с технологическим развитием, местом и значением человека в этом изменяющемся мире. Один из таких актуальных вопросов, связанных с существованием человека, — вопрос о пограничной ситуации как ситуации некоего толчка, ведущего к преобразению субъекта. В рамках данной статьи мы очерчиваем новый подход к рассмотрению динамики пограничной ситу-

ации. Понятие, возникшее в немецком экзистенциализме (в философии К. Ясперса), предполагает наличие негативной ситуации, выступающей для субъекта в качестве границы. Осознание этой границы свидетельствует о выходе за ее пределы. Если же для человека эта ситуация не осознается в качестве границы, то это означает, что человек остается ограниченным в своем сознании, и для него данное явление не выступает в качестве пограничной ситуации. В рамках экзистенциализма в качестве ситуации, порождающей границу, могут выступать события, наполненные крайне негативным смыслом: смерть, вина, болезнь и т. п. В данной статье мы выдвигаем гипотезу о существовании

© Николин В. В., Николина О. И., 2024

Для цитирования: Николин В. В., Николина О. И. Динамика субъекта в экзистенциале любви // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (44). С. 47–51. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-44-47-51

особой экзистенциальной ситуации, рождаемой любовью и имеющей гораздо более мощный потенциал для преобразования субъекта. В философской литературе любовь зачастую не принимается в качестве пограничной ситуации, в отличие, например, от смерти. Мы предполагаем, что любовь и смерть, рассматриваемые в качестве пограничной (экзистенциальной) ситуации, можно рассматривать как тезис и антитезис в ее структуре.

Методы (Methods)

В качестве метода исследования в статье используется диалектический метод, при помощи которого мы выявляем специфические качества экзистенциала любви, особое внимание в статье уделено соотношению объективного и субъективного момента в развитии экзистенциала любви, выявлению схем развития экзистенциала.

Сравнительный метод используется при рассмотрении экзистенциалов любви и смерти, выявлению сходства механизма существования экзистенциала как такового и различия в развитии экзистенциалов любви и смерти.

Феноменологический метод применяется для понимания пограничной ситуации как антропного феномена, для выявления его свойства и сопоставления двух феноменов: смерти и любви. Феномен рассматривается как универсальное свойство человека, он становится экзистенциалом, когда мы переходим к рассмотрению внутреннего механизма и включению в этот механизм пограничной ситуации.

Литературный обзор (Literature Review)

В качестве основного источника в рассмотрении понятий любви, страсти, границы, стремления мы обращаемся к философскому наследию Гегеля, в частности, к его работам «Лекции по эстетике», «Энциклопедия философских наук», «Наука логики». Экзистенциал смерти рассмотрен в различных экзистенциалистских концепциях, в частности, он проанализирован в работах Сарта, Камю, Хайдеггера. Механизм развития экзистенциала, возникновения границы в контексте преобразования субъекта, формирования проекта выявлен в работах Ж.-П. Сатра «Бытие и Ничто». В данной работе проект представлен в контексте самоосмысления и самоопределения

Обращение к философской позиции Хайдеггера, а точнее к его двум произведениям «Черные тетради», в котором он рассматривает ситуацию трансформации субъекта, и «Бытие и время», где он впервые анализирует категорию экзистенциала. В работе «Бытие и время» М. Хайдеггера экзистенциал смерти представлен в двух возможных вариантах: как исключительно негативное явление, находящееся в пространстве забвения современного человека, и в этом случае он не рассматривается в качестве пограничной ситуации, и как встреча с Ничто, когда принятие ситуации приводит к качественному изменению человеческого существования.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Обращаясь к Гегелю, мы читаем в «Лекциях по эстетике» о том, что «в любви, рассмотренной со стороны содержания, заключаются те моменты, на которые мы указыва-

ли, как основное понятие абсолютного духа: примеренное возвращение из своего инобытия к самому себе» [1, с. 253]. В качестве иного может вступать другой, т. е. объект, на который направлена воля субъекта. И здесь заключено важнейшее качество, придаваемое любви: возвращение субъекта к себе самому, углубление понимания себя.

Любовь представляет особую экзистенциальную ситуацию, вовлечение в которую преобразует участников. Специфика любви как экзистенциала состоит в преобладании чувственного над рациональным в совокупности с интенцией, стремлением к объекту любви.

Чувство и разум в любви преобразуются в некий синтез, который порождает и влюбленного в новый тип субъекта, и его объект любви, в новый идеальный объект. Синтетическое чувство, возникшее внутри субъекта, сливает субъект и объект воедино, возникает некая ситуация, включающая в себя Другого. Кроме того, в экзистенциальной ситуации любви меняется система ценностей и мотивация, и в целом субъект переживает собственное перерождение, сопряженное в том числе с отказом от индивидуальности и созданием нового типа соединения жизни и субъективности.

Ключевое отличие любви от экзистенциалов смерти, болезни, вины и др. состоит в устремленности в направлении к объекту любви. Традиционно развитие чувств трактуется просто: есть стремление к приятному и избегание неприятного. В любви мы имеем иное течение чувства, чувство преобразуется в стремление к объекту любви.

В основе любви лежит стремление, которое может принимать различные формы, крайней формой может являться страсть. Страсть мы рассматриваем в соответствии с гегелевским пониманием. «Страсть состоит лишь в том, что она ограничивается частным направлением воли, в которую погружается вся субъектность особи, причем содержание этого направления может быть каким угодно. Вследствие своего формального характера страсть не есть ни добро, ни зло» [2, с. 525].

Таким образом, даже в страсти, в которой действие разума сведено к минимуму, происходит управление волей и возникает новый синтез субъективности. Экзистенциальное содержание любви опирается на эту синтетическую субъективность и на перерождение субъекта и его воли.

В то время как иные, ранее указанные экзистенциалы, имеют противоположную направленность, они запускают направление-от. Любовь и смерть как экзистенциальные (пограничные) ситуации имеют разнонаправленные стремления. Любовь понимается как субъективное движение воли, дающей себе самой объективность, в то время как смерть — это объективное явление, возникающее помимо воли, но приобретающее качество экзистенциала, переходя из объективности в субъективность. Другими словами, основанием (причинением воспроизводства и устойчивого развития экзистенциала) смерти является объективное, а любви — субъективное.

В основании пограничной ситуации, описываемой в концепциях экзистенциалистов, находится негативное явление, и усилие субъекта заключено в преображении себя через изменение отношение к явлению (смерти, болезни и т. п.)

с тем, чтобы вобрать его внутрь себя и полагать уже не внешним по отношению к себе, как того, чего следует избегать, но то, что становится условием собственной трансформации, с тем, чтобы отказавшись от себя, растворившись в явлении, обрести вновь себя, но уже в ином качестве. Осознание и принятие собственной смертности запускает переживание страдания (особенно в форме конечности, завершения собственной субъективности), субъект стремится либо к снятию страдания через забвения смерти (не думать о ней — Хайдеггер), либо к принятию ее как неумолимого факта, как на уровне переживания, так и осмысления, и в этом случае она может стать источником собственной трансформации.

Трансформация в смерти идет от внешнего события или предела. Пограничность ситуации тут легко определить именно границей, которую не может перейти субъект и его воля. В этом смысле говорящим становится сам термин: «пограничная ситуация». То есть в феномене смерти есть некое непреодолимое, в нём видим предел и граница, а в любви, наоборот, трансформация снимает предел и границу, которая ранее была поглощена субъектом, меняется, сдвигается, а новая удаляется прочь от самотрансформирующегося субъекта.

Так в любви источником изменения становится не сам факт влюбленности, но дистанция с любимым, задающая внутреннее страдание, дистанция, которую влюбленный стремится преодолеть.

Дистанция становится новым типом границы внутри экзистенциала любви, она задает другого как не входящего в уже образующийся синтез субъективностей. Это явно противоречивое содержание, с одной стороны, наличествует другой, и его присутствие задано границей дистанции, с другой — есть интуиция синтеза, где нет ни себя, ни другого.

Итак, дистанция — это внутренняя граница в любви, которая воспроизводит другого, но может преодолеваться и меняться, а в смерти граница неподвижна.

При таком понимании и любовь, и смерть задают границу внутри человека. Сартр пишет, что создание проекта имеет источником осознание собственной недостаточности. Человек идентифицирует себя через понимание границы, того, чем он не является. То есть первичным является самоопределение через границу того, что я-не-есть-сейчас, переход к тому, что я-есть в настоящий момент. Недостаточность носит относительный характер. Потенциально субъект может перейти в любую из возможностей, которую он сейчас отрицает, и стать тем, кем сейчас не является [3].

Здесь важно отметить, что в экзистенциальных ситуациях любви и смерти мы обнаруживаем формулу исчезания границы, в смерти, словно субъект отворачивается от ужаса и ускоряет свою жизнь, а в любви, словно проникает в новый мир и не может выйти из паузы чувств. Однако в обоих случаях граница становится видима не в самом переживании, а позднее.

Любовь в данной схеме также разворачивается из-за недостаточности. Я люблю другого, предполагая, что в нём есть нечто, чего недостает во мне. То есть объектом любви становится некое качество, свойство другого, которым я

хочу обладать. Пусть не как субъект, но как единый синтетический субъект.

Через другого, в любви, я обретаю свою цельность, завершенность. То есть любовь — это стремление к обретению целостности и завершенности. И это традиционное понимание любви, идущее еще от Платона. Это пространство соединения любви и власти. Любовь как стремление подчинить, присвоить, обладать объектом любви. Это можно рассматривать как один вид любви. Такой тип любви, который можно понимать скорее как отсутствие, описан в произведениях Сартра.

Парадокс в том, что Сартр, анализируя любовь, ее не видит. Его размещение любви не в бытии-в-себе, а в бытии-для-себя уже показывает вторичность, кроме того, он акцентирует момент не любви, а ее удержания, как это происходит в садизме и мазохизме. Между тем сам он описывает в «Тошноте» [4] ситуацию прорыва, которая тесно связана именно с любовью. Рокантен, пишущий историю города в библиотеке, находится в ситуации, которая в действительности его не устраивает, и возникает тошнота от сложившейся (буржуазной) ситуации вокруг. Он не может найти выхода, и напряжение растет. Сартр, видимо, неоднократно ставил себя в такое же положение, когда напряжение нарастает, и ждал при этом прорыва. Между тем в «Тошноте» прорыв наступает именно в момент приезда любимой женщины. Про нее в «Тошноте» практически ничего не сказано, но возникает гипотетическая схема, что это напряжение как выход за собственные границы, вызывающий тошноту и готовящий прорыв, и ее появление как прорыв к другому, в моменте любви совпадает и происходит взаимная разрядка двух типов: от себя и от другого. Понятно, что такое состояние не может продолжаться долго, поэтому Сартр и описывает в книге «Бытие и ничто» скорее схемы удержания, нежели схемы появления любви.

Аналогичную ситуацию в качестве основания собственной философии рассматривает Ален Балью, основным понятием в его концепции выступает событие. Апостол Павел, до обращения преследующий христиан, получает в пустыне откровение и преобразуется, тут любовь к Богу и трансформация себя, тоже двойная, но уже иная ситуация прорыва. После этого События происходит его разворачивание как новой субъективной реальности, в которой то, что появилось как невидимое, стало просто и понятно.

Также подобную ситуацию можно найти у Хайдеггера в «Черных тетрадах» [5, с. 217], Хайдеггер называет это состояние встречей. Причем сам Хайдеггер акцентирует внимание на состоянии других: он ставит задачу перед философией остановить свое сущее, остановка есть вопрошание, которое и осмысливает отрыв от бытия человека, который творит, отрыв от бытия его как сущего заставляет остановиться и увидеть бытие, после чего начинается возвращение и бытию. Этот феномен, когда творящий в радости созидания человек вдруг останавливается, а для и до этого вопрошает, и видит отрыв бытия, а потом поворачивает свое творчество в сторону бытия — это и есть «встреча» Хайдеггера.

Другой тип любви — это любовь, идущая от самодостаточности, ее можно обозначить как любовь-дар. Любить

не ради себя, а ради другого, сохраняя его свободу и уникальность. Также и в смерти, событие которой делает меня отстраненным от себя, показывает взгляд на себя со стороны другого.

Таким образом мы обозначаем типы (уровни) любви, и эти уровни происходят от привлекательности самой любви, которая усложняется и множится, в том числе и в детях. В смерти же ужас и страх кристаллизует экзистенциал и отталкивает субъекта, поэтому усложнения и погружения не происходит. Также в сложных схемах смерти и любви: любовь и власть показывают идею Платона, любовь и жертва — понимание себя перед другим, смерть ради — дает подвиг и завершенность себя. «Подлинная сущность любви состоит в том, чтобы отказаться от сознания самого себя, забыть себя в другом “я” и, однако, в этом исчезновении и забвении впервые обрести себя самого и обладать собой» [1, с. 253]. Субъект, обращенный на другого, остается в пространстве субъективного духа, а не природы, таким образом другой не представляет собой инобытие, не тождественное духу, подобно природе в случае абсолютного духа.

В развитие идеи Гегеля можно предположить, что любовь заставляет отказаться от себя уединенного, она предполагает соединение, синтетическую субъективность. Смерть же предполагает отделение себя от всего, от другого, от мира, и от самого себя в прошлом.

Итак, сами феномены могут модифицироваться, при соединении друг с другом, как мы это можем наблюдать в соединении любви и власти в идеале.

Гегель пишет о том, что любовь со стороны содержания может полагаться как идеал, но со стороны формы возможны различные варианты любви в культурно-историческом контексте. Наиболее близким к идеалу мы полагаем куртуазную любовь, в основе которой лежит модель религиозной любви, которая в качестве объекта полагает трансцендентный объект, выступающий в качестве идеала. Здесь основным моментом становится трансцендентный характер объекта любви. Любовь к женщине (земная любовь) является символом религиозной любви (любви к Богу).

Любовь к Богу предполагает смирение любви перед смертью и синтез человека и трансцендентного, его воспроизведение в субъекте и для субъекта. Романтическая любовь замыкает смерть и любовь, усиливает движения субъекта. В куртуазной любви искусственным образом вводится дистанция с объектом любви. Прежде чем быть с любимой женщиной, рыцарь должен стать ее достойным, так же, как и прежде, чтобы заслужить единение с Богом в жизни потусторонней, нужно быть достойным этого. Задаваемая искусственным образом пауза/дистанция в отношении объекта любви преобразуется в границу внутри субъекта, особого рода страдание как необходимый запуск для его трансформации. Но это состояние страдания, заданное самим субъектом, воспринимается им не как утрата и горе, а как экстаз и радость. Тем самым снимается возможный негативный характер такого страдания в экзистенциальной ситуации любви и преобразует влечение в чувство куртуазного типа, такая ситуация рассматривалась в средне-

вековой культуре как эталон истинной любви, любви-дара. Истинная любовь рассматривалась как одна из ведущих способностей рыцаря, наряду с практическими умениями сражаться. Куртуазная любовь при посредстве внешнего ритуала задает границу внутри субъекта. Стремление к развертыванию новой синтетической субъективности нарастает по мере развития куртуазного состояния. В этом состоянии страдание ведет к преобразованию субъекта.

Заключение (Conclusion)

Итак, смерть и любовь имеют разный тип границы. Граница смерти внешняя, не зависящая от человека, хотя Гегель утверждает, что как только человек ее видит, значит он ее уже преодолел. В любви граница внутренняя — мы ее обозначаем как двойную дистанцию с другим и с собой, потому что переход границы в любви сопровождается соединением стремления к другому и одновременно преобразованием себя.

Итак, прорыв Сартра в «Тошноте» им самим связывается с напряжением и подготовкой и не акцентирует присутствие возлюбленной, не связывается с любовью, хотя и подразумевает характерный для любви феномен отказа от себя и трансформации себя. Аналогично у Бадью обращение трансформирует Я, и у Хайдеггера человек творящий останавливается и поворачивает обратно к бытию.

Единство ситуаций Сартра, Бадью и Хайдеггера показывает пограничную ситуацию в любви, она связана с трансформацией Я, предварительным напряжением себя, сомнением в себе, а параллельно напряжением внешним, связанным с любимым человеком.

Сартр ищет выхода в удержании, но любовь предполагает дистанцию, которая по сути воспроизводит аналог ситуации прорыва, заново его совершает раз за разом, этим любовь себя оправдывает и окупает. Механизм любви состоит не в факте преобразования и встречи, хотя это необходимые условия, а в новом механизме духовности, которая раз за разом производит трансформацию Я. Каждый раз горизонт видения Я существенно расширяется. Это и есть духовный плод любви, который романтики видят как дар любимого или любимому. Но механизм прорыва создается и становится постоянным — вот алгоритм и механизм «дистанции» в любви. Словно человек не позволяет себе думать и мечтать, пока очередной раз не произведет трансформацию и прорыв.

Таким образом, у Сартра механизм развертывания экзистенциала любви в «Тошноте» показан, но не собран воедино как новый способ духовного воспроизводства прорыва благодаря любви. Бадью по-своему и на своем материале строит аналогичную схему, и ее же пытается в терминах вопрошания, остановки и поворота к бытию осмысливать Хайдеггер.

Итак, на материале прорыва, события и поворота мы видим общий механизм воспроизводства самотрансформации Я с предварительным и параллельным условием, результатом и методом. Это единство мы называем дистанцией любви, она раскрывает механизм ее экзистенциала, показывает, как «работает» любовь в культуре.

Библиографический список

1. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. М. : Искусство, 1969. Т. 2. 326 с.
2. Фишер К. История новой философии. Т. VIII. Гегель. М. : Гос. соц.-эконом. изд-во, 1933. 608 с.
3. Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто: опыт феноменологической онтологии. М. : Республика, 2000. 639 с.
4. Сартр Ж.-П. Тошнота // Сартр Ж.-П. Стена : избр. произв. М. : Политиздат, 1992. С. 15–177.
5. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. Кн. IX. 528 с.